

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ГОРДОНА

22 августа 2001 г. ушел из жизни Леонид Абрамович Гордон...

Книги Леонида Гордона и впредь будут работать, но брешь, оставшаяся от его искрометно-критического живого таланта — удар судьбы по коллективному творчеству российских социологов

Описать кратко и достойным образом вклад Леонида Абрамовича в отечественную социологию совершенно невозможно. Я открыл недавно опубликованную книгу «Социология в России» и нашел в ней 32 фрагмента, посвященных работам Леонида Гордона. В области методологии и теории, исследований социальной структуры, трудовых отношений и производства, досуга и быта людей, а в последние годы — социальных движений, трудовых конфликтов и положения рабочих, глубоких размышлений о нашем недавнем прошлом и ожидаемом будущем.

Его талант и блестящая эрудиция позволяли с равным успехом вникать во множество и методологических, и острейших социальных проблем. Не помню случая, чтобы при планировании серьезного научного обсуждения кто-либо из его организаторов не бросал фразу вроде «Естественно, надо сообщить Гордону». Леонид был ферментом, катализатором, и можно сказать, одним из решающих «продуцентов» в научных спорах. Он неизменно начинал с изложения аргументов против любой нетривиальной мысли или концепции, отнюдь не потому, думаю, что заведомо разделял иной взгляд или имел другое мнение. Однажды я сказал ему: «Если бы ты, Леня, сам высказал какую-то интересную гипотезу, то в позиции собственного оппонента сам ее бы и изничтожил». Он был рожден стать ученым аналитиком, следуя классическому правилу во всем сомневаться. Не исключено, что здесь — одно из объяснений теснейшего сотрудничества двух талантов — Леонида Гордона и Эдуарда Клопова. Не мог он, диссидент в собственном мыслительном процессе, комфортно работать, не встречая возражений со стороны иного мыслящего устройства.

Помимо того Леонид всегда оставался бойцом, готовым во всеоружии броситься в атаку и рвануть вперед к высоте, каковую, скорее всего, вместе со своим другом и соавтором наметил для штурма. Аргумент в доказательство: встречаемся в московском Доме ученых, и соавторы преподносят только что опубликованную книгу «Человек после работы». Я говорю: «Фу, стибрили идею заголовка у нас со Здравомысловым». А Леонид в ответ — «Мы сознательно это сделали, чтобы в каталогах и на книжных полках они были рядом». Могу гордиться, что так и случилось. Книга сыграла огромную роль в повороте исследований свободного времени от описания реалий к их серьезному осмыслению и пониманию.

Другой навсегда запомнившийся мне случай имел место в первом семинаре только что созданного фонда М.С. Горбачева. В роли исполнительного директора фонда с программным докладом на тему о том, что из социальных теорий XX века останется ценным в наступающем столетии, выступил А.Н. Яковлев. В полуторачасовой лекции он немало времени уделил критике Маркса. И первым, кто задал вопрос докладчику в начале дискуссии, был Гордон, сидевший прямо напротив окончившего свое выступление. Мой друг поднялся с места и произнес: «Александр Николаевич, Вы, бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии, не нашли у Маркса ничего такого, что было бы достойным войти в современное обществознание. Я, между прочим, никогда не состоял в коммунистической партии, но и сейчас полагаю, что Маркса как социального теоретика рано списывать в архив общественной мысли». На это докладчик довольно нервно реагировал в том смысле, что, мол жели Вам желательно извлечь из Маркса ценные идеи, пригласите другого оратора.

Леониду никогда не было свойственно подобное, как иронически определил В. Шляпентох, «кассетное мышление». Будучи до предела самокритичным, он стремился интегрировать, соотносить разные подходы, и методологические, и по смысловому содержанию объяснения предмета анализа. Потому обращался и к историческому анализу, и к документам официальной статистики (как неожиданно и с каким великолепным результатом повернули Гордон, Клопов и Алла Назимова данные официальной статистики, рассматривая положение рабочего класса в СССР!), придумывал новые способы многомерного анализа, задолго до бума качественных методов их использовал, первым в отечественной социологии, исследуя рабочее движение периода начала перестройки, продемонстрировал продуктивность провоцирующей групповой дискуссии, работая в проекте с Аланом Туреном.

В международном социологическом сообществе имя Гордона (а он был неоспоримым и всеобщим любимым, харизматическим лидером в коллективной работе) неизменно упоминалось в ряду «первоалфавитных» отечественных мэтров рядом с именами академика Татьяны Заславской и менее титулованных Бориса Грушина или Андрея Здравомыслова. Конечно, Леонид Гордон остается основателем своей научной школы, не по должности руководителя блестящих исследователей, но в изначальном античном смысле: беседуя с молодыми, он навсегда оставлял след в их научной карьере.

Страстно хочется отторгнуть факт кончины Леонида. Бесчеловечная формула советского диктатора о том, что незаменимых людей нет, в последние годы постоянно возникает в моем сознании достаточно пожилого человека (Станислав Ленц заметил однажды: «И вот, внезапно начали умирать те, кто раньше не умирал»). Печатные труды Леонида остаются на наших столах и в студенческих библиотеках. Но его искрометный, живой, остро критический ум навсегда выпал из коллективного творческого процесса. И решительно никто его не заменит.

В.А. Ядов

19 сентября 2001 г.

Памяти друга

Леня Гордон был моим другом. Одним из самых близких и дорогих друзей. Таких обычно обретают в школьные, студенческие годы — и проходят вместе всю жизнь. Здесь было не так. Хотя заочно мы были знакомы давно (помнится, я писал восторженную рецензию на одну из его замечательных работ), узнали в лицо мы друг друга поздно — в конце 1970-х гг., когда Алла Назимова и я переехали в Москву. До того, в Ленинграде общение с друзьями, тесное, повседневное, было едва ли не самым главным в нашем образе жизни. В Москве поначалу было иначе — пустовато, но вскоре в нашу жизнь вошел Леня. Вместе с изумительной, тонкой, деликатной умницей Таней. Вместе со своими давними, студенческими лет друзьями, в круг которых он нас ввел. Так появился один из немногих якорей дружеских связей.

Мне запомнился один из первых долгих разговоров с Леной, наверное, ранней осенью 1978 г. Мы стояли у ограда академического ИМРД (Института международного рабочего движения) и ждали машину, которая должна была отвезти на вокзал какие-то материалы для десанта социологов, отправлявшихся в Таганрог. Ждали долго — и шел неторопливый, «пристрелочный» разговор: я присматривался к нему, он ко мне. Говорили, конечно же, о том, что более всего бередило душу в ту нашу «глухую пору листопада»: надолго ли та мерзопакость, которая все плотнее обволакивала политику (или то, что выдавалось за политику в Советском Союзе), науку, жизнь. И помню твердое единодушие, с которым мы высказали друг другу выношенное, продуманное: нельзя уезжать из этой, из *нашей* страны — слишком многое будет невосполнимо. И стало ясно, что мы, как это называл Воннегут, — из одного каркаса.

Когда-то я прочитал у И.П. Павлова призыв, обращенный к ученикам: «Думайте, думайте! Если вы не привыкнете думать и не сделаете живой организм и весь ход жизни предметом настойчивого и страстного думанья, от вашей дальнейшей деятельности останется только ремесло, и оно вас разочарует и приведет к отчаянию». Не раз я повторял эту заповедь своим студентам. Но, может быть, впервые идеальную «думающую», постоянно и над многими «размышляющую» машину я увидел, когда узнал Леню Гордона. Сказать, что это был могучий интеллект, острый ум, широкие познания и неподдельный интерес к самым разнообразным проявлениям жизни — значит сказать очень мало. Его мозг перерабатывал информацию, жизненные впечатления, наблюдения, споры — и выдавал мысли, суждения, нередко парадоксальные, резко выводящие за пределы известного, привычного, общепризнанного в нашем интеллигентском кругу. И потом не раз обнаруживалось, насколько он был прав.

Вспоминаю нашу прогулку вдоль ленинградских каналов в августе 1986 г. Еще реально ничего не изменилось: Сахаров в Горьком, войска в Афганистане, по-прежнему громоздится цензура, оживляются поиски «шпионов» и «врагов». Правда, новый генсек произносит слова нетривиальные, но скептические интеллигенты по горло накормлены разнообразными начальственными речами. И вот вывод из того нашего разговора: на это раз, кажется, серьезно...

А потом пришла перестройка, и Леня Гордон, кабинетный ученый-исследователь в самом высоком, подлинном смысле этого слова, окунулся в политическую борьбу. Мы вместе сражались за победу «сахаровского списка» во время избирательной кампании 1989 г. в Академии наук, и в этих, как из-под земли явившихся инициативных структурах — ячейках гражданского общества, к несчастью, преждевременно потом увядших, Леня обнаружил все качества бойца — неутомимого, настойчивого, изобретательного. В нашей общей победе — его громадная заслуга.

А чуть позже, летом у меня на кухне была встреча с Адамом Михником, прославленным лидером Комитета защиты рабочих в Польше. Когда мы рассказали нашему гостю о шахтерских забастовках, он искренне удивился: что же вы делаете здесь? Мы подумали: действительно, надо бы... А Леня не только подумал. Он, один из самых известных в стране исследователей рабочего движения, встал в один ряд с бастующими шахтерами, не гнушался черновой работы, помогал выработать документы, стал не только их ученым консультантом — товарищем и соратником. И оставался им — не переставая быть исследователем и аналитиком, — когда волна движения пошла на спад.

А еще в нашей общей жизни было многое: участие в «незримом колледже», регулярно обсуждавшем ход польских событий в начале 80-х гг., в перестроечных дискуссиях второй половины десятилетия, долгие разговоры дома, по телефону о событиях, которые понеслись вскачь... И всегда Гордон был напряжен, ярок, оригинален. Не довелось ему узнать об американской трагедии в этом сентябре, но были глубокие, нетривиальные его размышления о новых проблемах и тенденциях всемирного развития. Мир, говорил он, к несчастью, не дорос до мирового правительства, но разляпистая ООН никак не может его заменить. Чтобы быстро и четко реагировать на новые вызовы, надо отказаться еще от одной «священной коровы» — пиетета перед государственным суверенитетом, нужны компактные и эффективные международные структуры. Их прообразы постепенно, может быть, слишком медленно, с огрехами и ошибками, но все же вырабатывает Запад. И выбор России, спасение России — в сотрудничестве, в ассоциации с этими структурами, а не в глупых фантазиях о «евразийстве», «многополюсном мире» и тому подобных выдумках, тешащих тщеславие наследников бывшей сверхдержавы. Эти идеи стали сегодня сверхактуальны.

Я написал об интеллекте, провидчестве, гражданской активности моего друга — об этом можно говорить легко и долго. Но он был еще чутким, внимательным и отзывчивым к заботам, радостям и бедам окружающих людей. У него

была щедрая и открытая душа — это хорошо знали все его друзья. Но это очень личное, о чем говорить трудно. Острота потери, вероятно, пройдет, но в жизни останется пустота, которую заполнить уже никак невозможно. И неизбежное чувство вины за то, что ты чего-то недодал, недосмотрел, не прожил вместе...

Виктор Шейнис

16 сентября 2001 г.

Как работал Леонид Гордон...

С Леонидом Гордоном мы были знакомы и дружны больше полувека, из них 35 лет работали вместе — и не просто в одних и тех же институтах, но в единой команде как соисполнители нескольких исследований и как соавторы многих книг и статей. Эта совместная работа, конечно же, укрепляла нашу дружбу, делала нас все более необходимыми друг другу. В свою очередь, хорошие, дружеские (в нашем случае очень хорошие) отношения помогали преодолевать те (к счастью, неглубокие) коллизии и те (недлиительные) кризисные ситуации, которые почти неизбежны при столь длительном и тесном сотрудничестве. Смее надеяться, что я в чем-то повлиял на Леонида, но совершенно бесспорно и то, что он оказывал на меня сильное и, по-моему, самое благоприятное влияние (и не только в сфере нашей профессиональной деятельности). Однако в этой заметке я хотел бы припомнить не столько содержательные стороны его безусловно крупномасштабной научной деятельности, а скорее те формы, в какие он облакал эту деятельность, присущие именно ему особенности работы.

Наверное, все более или менее следившие за работами Леонида Абрамовича, заметили, что большинство из них подписано, кроме него самого, еще одной, двумя, а то и тремя фамилиями. Но это не тот случай, когда шеф благосклонно разрешает вписать свою фамилию в число авторов, выполнявших какое-либо исследование и реально изложивших эти результаты в форме статьи или книги. Не то было у Гордона: как правило, это он вписывал фамилии своих сотрудников, помогавших ему в исследованиях, но практически не участвовавших в написании статей или книг, завершавших эти исследования. Я тоже не всегда был реальным соавтором леонидовых текстов, и мне приходилось испытывать чувство неловкости, когда он публиковал их как совместную работу Гордона и Клопова. Но поскольку обычно мы вместе обсуждали концепцию исследования, положенного в основу книги, его оснащенность эмпирическими данными, промежуточные и конечные выводы и поскольку он огорчался в тех случаях, когда я отказывался от соавторства, мне приходилось уступать. Мне удавалось лишь иногда, два-три раза, уговорить его и отказаться от этой, действительно большой чести. Обратные соотношения (я пишу, а подписываемся вдвоем) бывали гораздо реже, и не потому, что я жадничал, а по той простой причине, что Леонид всегда реально был и инициатором, и руководителем, и главным исполнителем («писателем») наших работ. Получалась своеобразная езда на социологическом «тандеме», причем Леня практически всегда был первым номером и выполнял функции «впередсмотрящего», определяющего маршрут движения, но он же усерднее всех «крутил педали». Конечно, он умел работать и один, но любил коллективную работу, в ходе которой он мог проверить свои гипотезы и наблюдения как на исходных рубежах исследования, так и в процессе написания своих текстов. Потому-то практически во всех книгах и статьях, подписанных Гордоном и еще кем-то, от 60 — 65 до 90 % (а бывало, и все 100%) были написаны им одним.

Работал Леонид неравномерно, вернее, не монотонно. У него работа делилась, хотя, конечно же, совсем не строго, на два этапа. Один — после окончания какого-нибудь проекта (мы, правда, тогда не использовали этот термин) — был временем «разгрузки», когда он просматривал и читал накопившиеся на столе газеты, жур-

налы, книги и почти ничего не писал; он в это время как бы «сводил счеты» с уже завершенной работой и постепенно подпитывался новыми идеями, проблемами и даже словечками (которыми он любил козырять во время какой-нибудь дискуссии). Затем наступал некий сигнал — иногда внешний, иногда внутренний (когда по той или иной причине у него пробуждался интерес к какой-либо проблеме). Тогда Леонид, все более увлекавшийся решением очередной задачи, говорил: «Ну, Эдя, на меня накатил потный вал вдохновения». Это означало, что Леня будет сидеть и писать, писать, писать... И напишет новую статью, текст в будущую книгу, в общем что-то новенькое, иногда спорное, но всегда интересное.

Ему нравился сам процесс работы (естественно, не больше, чем ее смысловая сторона). Для него это было действительно творчество, что проявлялось даже в его почерке: свои мысли он переносил на бумагу большими округлыми буквами с намеками на завитушки («у меня барочный почерк», с гордостью говорил Леонид). Такими же «барочными» нередко были и его размышления о том предмете, которым он бывал занят в тот или другой момент, так что при чтении его работ иногда было непросто продрасться через вязь его пассажей. Он это знал, и просил (особенно в последние годы) упрощать по возможности его усложненный текст. Правда, сделать это было нелегко, прежде всего потому, что, если ты сумел понять суть, смысл его рассуждений, то кажется, что именно так они и должны излагаться, поэтому обычно мои вмешательства в его тексты были минимальными.

Конечно, мне очень, очень горько потерять такого друга, очень жаль, что мне уже не удастся поработать с таким талантливым человеком, как Леонид Гордон. Но хорошо уже то, что удалось.

Эдуард Клопов

Сентябрь 2001 г.

ТРУДЫ Л.А. ГОРДОНА (социологические и историко-социологические)

Книги и брошюры

1. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. По материалам изучения бюджетов времени в крупных городах Европейской части СССР. М.: Наука, 1972. 29 п.л. (Совместно с Э.В. Клоповым).
2. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся (Таганрогские исследования). М.: Мысль, 1972. 6 п.л. (Совместно с Н.М. Римашевской).
3. Черты социалистического образа времени: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977. 9 п.ч. (Совместно с Э.В. Клоповым и Л.А. Ониковым).
4. Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки. М.: Наука, 1977. 19 п.л. (Совместно с Э.В. Клоповым и др.).
5. Пятидневка: культура и быт. М.: Профиздат, 1967. 4 п.л. (Совместно с Б.М. Левиным).
6. Этапы жизненного цикла и быт работающей женщины (ССА ИКСИ АН СССР. 12 семинар по исследованию семьи). М.: ССА ИКСИ АН СССР, 1972. 0,9 п.л. (Совместно с Э.В. Клоповым и Е.Б. Груздевой).
7. Социальное развитие рабочего класса СССР. М.: Знание, 1974. 3,5 п.л. (Совместно с Э.В. Клоповым).
8. Единство многообразия: социальное развитие рабочего класса в странах социализма. М.: Знание, 1981. 3,3 п.л.
9. Развитие рабочего класса в социалистическом обществе. Интернациональные закономерности и национальные особенности. М.: Наука, 1982. 29,8 п.л. (Совместно с Т.Т. Тимофеевым и Э.В. Клоповым).

10. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М.: Наука, 1985. 16 п.л. (В соавторстве с А.К. Назимовой).
11. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 17 а.л. (Совместно с Э.В. Клоповым).
12. Советские рабочие в условиях ускорения социально-экономического развития. М.: Наука, 1987. (Отв. ред., автор разделов объемом 5 а.л.).
13. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М.: Знание, 1988. 3 а.л. (Совместно с В.В. Комаровским и А.К. Назимовой).
14. Рабочий класс в социалистическом обществе: тенденции и перспективы развития в условиях интенсификации и перестройки экономики. М.: Наука, 1988. 15 а.л.
15. Общество в разных измерениях. М.: Московский рабочий, 1990. 12 а.л. (Отв. ред., автор разделов объемом в 3 а.л.).
16. Положение наемных работников в России 90-х гг. Противоречия условий и оплаты труда как проявление послесоциалистического кризиса условий жизни. М.: ИМЭМО РАН, 1997. 12 а.л.
17. К изучению общественных проблем труда в России первой половины 90-х гг.: субъекты и объекты социально-трудовых отношений. М.: ИМЭМО РАН, 1996. 14 а.л. (Автор и руководитель авт. коллектива в составе: Э. Клопов, В. Кабалина, С. Перегудова и др.).
18. Область возможного. Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М.: Русско-Американский Фонд профсоюзных исследований и обучения и ИМЭМО РАН, 1995. 10 а.л.
19. Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходном обществе. М.: Русско-Американский Фонд профсоюзных исследований и обучения и ИМЭМО РАН, 1995. 8 а.л.
20. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты. М.: Прогресс, 1993. 12 а.л. (Совместно с Е.Б. Груздевой и В.В. Комаровским).
21. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России. М.: ИМЭМО РАН и Русско-Американский Фонд профсоюзных исследований и обучения, 1993. 9 а.л.
22. На пути к социальному партнерству. Развитие социально-трудовых отношений в современной России от односторонне-командного управления к трехстороннему сотрудничеству. М.: Спец. приложение к бюл. «Конституционный вестник», 1993. 11 а.л. (Совместно с Э. Клоповым, Э. Шаблинской и др.).
23. Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации и общероссийских перемен / Под ред. А.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. 352 с.
24. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1—2. М.: ЭдиториалУРСС, 2000–2001. (Совместно с Э.В.Клоповым). Т. 1. Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. 2000. 302 с.; Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране. 2001. 511 с.